

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ: *Независимая газета 1992-7 лин. - с. 8*

«ХОЧУ ВИДЕТЬ РОССИЮ ЧАСТЬЮ СООБЩЕСТВА ЦИВИЛИЗОВАННЫХ СТРАН»

Игорь Дробышев

— ВАСИЛИЙ Павлович, думали ли вы, уезжая в 1979 году из СССР, что произойдет через некоторое время — всего десять лет?

— Никогда не мог даже в самых сладких снах представить, что коммунизм падет, что партия развалится. Если мы на что-то и надеялись, то разве что, когда Брежнев «свалит», возникнет какое-то изменение стиля, что не будет такого дремучего музиканского лавочного стиля в проглаганде, идеологии, международных отношениях. Что придут более изощренные, интеллигентные «цекисты» и «гэбисты» из тех, которые еще в 1968 году и в начале 70-х лелеяли мечту о социализме с человеческим лицом. Брежнев был вершиной партийности, дальше началось быстрое падение, и, по мере того как это быстро все происходило, начался эффект «снежного кома».

— С падением коммунизма все ясно. Думали ли вы, что через каких-то десять лет самой страны больше не будет?

— От одного американского историка слышал, что у него есть документ, якобы свидетельствующий, что еще в 1909 году, еще при жизни Столыпина, при дворе было совещание, в котором участвовали высокие лбы государства. Они представили докладную царю, в которой говорится, что, мол, Россия слишком растиналась, и в историческом смысле мы не выдержим, допнем.

— То есть идея о том, что это искусственное объединение, появилась еще тогда?

— Да, идея о колониальной державе, которая слишком большая, как динозавр. Динозавр уже не мог выдерживать собственных размеров, и только взрывом можно было это сломать. Взрыв смог развернуть энергию народа, ведь русские другими совсем стали, мне-то это видно. Я когда приезжаю, то из самолета вылезаю, как из машины времени. Я вижу, что хуже стало в магазинах, очереди длиннее, чем в 70-х годах. Но лица стали другие. На улицах меньше мрачных лиц.

— Вот свобода прессы... Это какое-то русское чудо. Из комментарий политической тяготы и жажды с полным отсутствием новостей она превратилась в настоящую трибуну народа.

— Так что я Михаилу Сергеевичу сочувствую, но он стал — всему ведь приходит конец — терять ощущение времени, стал отставать, перестал разбираться, кто — «за» и кто — «против», и не смог в конце концов преодолеть партийных стереотипов, и это его трагедия.

— Только путч смог выбить его из этой обоймы...

— Да, он заигрался с этими путчистами, потому что, конечно, знал, что они готовят, и он им давал возможность думать, что может быть среди них, а потом, когда они пришли и сказали: вот вы же нам дали возможность, он и ощущал, куда это все его завело... Но, между прочим, благодаря тому, что он в себе нашел силы и мужество сказать «нет», было спасено несколько тысяч жизней.

— Я после путча разговаривал с Алксисом, который сказал, что при должной организации можно было бы выставить еще 50 тысяч человек, которые,

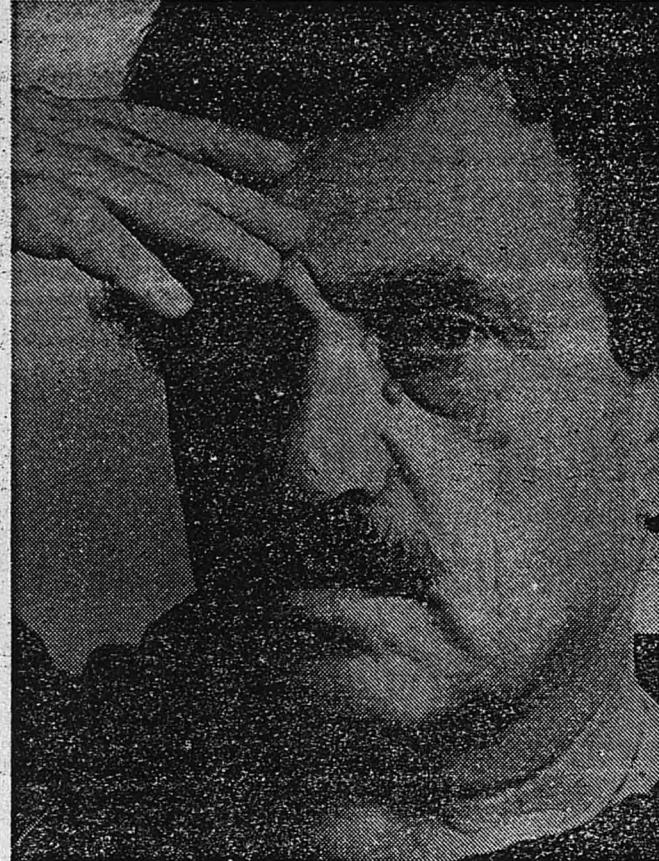

Фото Михаила Лемхина.

защитяя путчистов, пошли бы на защитников Белого дома...

— Я был в августе в Крыму и уехал незадолго до путча, и тогда я смотрел по телевизору интервью Алксиса. Никогда не забуду выражение его лица: с какой снисходительностью он смотрел на Фесуненко и другого участника беседы в студии... выглядел как представитель нового режима.

— Вы написали «Остров Крым» в 1979 году. Это был просто интересный ход или какая-то особенная мысль, предвидение? После независимости Украины, после того как хоть и незначительное, но большинство населения Крыма проголосовало за нее, ваша идея об отделении Крыма потеряла свою актуальность?

— Ну же скажите, не скажите. С Крымом вопрос, я думаю, мыслил развалить социализм, выйти на идею свободного рынка и т. д. Но он все время менялся, если бы он все-таки что-то подобное имел в виду, то высказал он это — хотя бы свою часть того, что сейчас свободно говорит любой журналист, — то его бы немедленно арестовали и убили бы.

— Я думаю, что одна из главных ошибок Горбачева в том, что он практически ничего не сделал в экономике. Если сравнить два коммунистических гиганта — Китай и СССР, то Китай пошел по пути экономического развития, заглушив политические свободы и права человека, что ему еще, как говорится, отрыгается. У нас все наоборот.

— Но в политбюро до 1990 года сидели такие мастодонты, как Щербицкий, Лигачев... Вот встать и сказать им на очередном заседании: давайте, ребята, постепенно вводить частную собственность?

— Вы знаете, я еще в 70-е слышал такую историю. Однажды на политбюро сам Брежнев сказал: «Товарищи, не слишком ли мы много на себя берем? Не может же политбюро решать все вопросы производства кастриоль, молочных продуктов? Что если подпустить чуть-чуть частной собственности, хотя бы в сервис?» После этого воцарилось полное молчание, и якобы Полянский сказал: «Тогда все

кончено». Они очень боялись, им казалось, что в этом — яйцо Кошево, что в общем-то верно. Горбачев, конечно, боялся проинести многие вещи. Но после Чернобыля еще можно было постепенно вводить экономические изменения, вообще Чернобыль был, с моей точки зрения, поворотным пунктом, он сыграл гораздо более важную роль, нежели апрельскийplenум 1985 года, потому что рухнула самая престижная сфера супердержавы: атомная промышленность. Это можно сравнить, как это ни покажется странным, с Кронштадским мятежом. «Военный коммунизм» рухнул, когда восстал твердыня революции — то самое, на что они всегда ссылались и чем запугивали рабочих Петрограда, говоря: «Если вы будете продолжать бастовать, придёт Кронштадт, придёт гвардия революции». Это была такая же утечка радиации, которая повернула страну к эпизу.

— Что же нас ждет в перспективе, когда СССР больше нет, а есть Содружество?

— Думаю, что этот период центробежного стремления и паники — больше психологического порядка, чем экономического, он дойдет до определенной точки, а потом пойдет назад. Видите, как «тихорадка».

Москва ведь всегда была торговым местом. Это был центр, куда все свозилось, обменивалось. Ее называли русским Чикаго, и там все лопалось от богатства. Я думаю, это придет.

— Интересно взглянуть ваши глазами на отношение к нам и нашим проблемам американцев. Буш и многие другие — за помощь, Бьюкенен — один из кандидатов в президенты — против.

— Это странно, потому что раньше он мне казался широко мыслящим человеком. Взаимозависимость в современном мире невозможно отрицать. Если Россия начала впадать в средневековые и маразм распада, то продукты его могут разнести по всей цивилизации.

— Кстати, у нас это не все понимают, особенно пожилые люди с недоверием относятся, скажем, к немецкой помощи: почему это они помогают тем, кто их победил в войне? Есть и более авторитетные мнения: мол, нельзя сближаться с Западом, потому что у нас свои интересы, у них — свои.

Скажем, на Ближнем Востоке.

— Нам не надо вообще думать о Ближнем Востоке, пора забыть об этом, освободить себя от этих призраков супердержавы номер один. Может быть, мы опять будем империалистической державой — не дай Бог! Я хотел бы видеть Россию просвещенной частью европейского сообщества.

ва цивилизованных стран, а не опять мировым бандитом с дубиной. Мы ведь можем играть колossalную роль в науке, экономике, культуре — сколько областей открыто. Но сейчас нам надо забыть о своих интересах на Ближнем Востоке, потому что у нас их там нет. Не думать о голодящих народах Океании, а о голодающих народах Воронежской и Тамбовской областей.

— Как вы относитесь к идеи Содружества?

— Идея сама по себе понятна и направлена на избежание югославского варианта. Будет самое последнее дело, если русские и украинцы схватятся.

— Особенно после объявления независимости Украиной...

— Да. И вот, пожалуйста, вариант совершенно свободного объединения: вы делаете свою внешнюю политику, свои вооруженные силы создаете, вы совершенно свободные государства, но есть тысячелетние связи. Нельзя так просто взять и разрушить их. К тому же Россия предлагает далеко не худшие варианты политического, экономического развития. Они пока еще не работают, но в принципе должны обязательно заработать.

— Идея Содружества действительно имеет ряд положительных сторон. Но опять все как-то получилось за нашей спиной.

— Ну что значит «за нашей спиной». Мы не можем все вопросы решать трехсотмиллионной массой, какая-то власть нужна. Мы сами ее выбирали... то есть вы выбирали, но я бы тоже голосовал за Ельцина.

Идея Содружества здоровая, может быть, она не оформлена в протокольном порядке достаточно хорошо... Я сегодня читал материал, в котором Козырев рассказал, как все это произошло. Они же ехали туда, в этот охотничий домик, не зная, будут ли вообще разговор. Выработали все за ночь, работали над текстом, даже какая-то эйфория была, когда поняли, что могут договориться.

— Вы — американец. Как вы на себе ощущаете спад, о котором здесь много говорят и пишут?

— С работой здесь трудно. Или вот мы хотим продать наш дом, а это сейчас невозможно. Но ведь у них, американцев, так все время: подъемы, спады. Потом многие понимают, что от их активности тоже многое зависит. Надо покупать, надо что-то покупать. Вот Рождество наступает, тоже надо покупать. Я тоже решил завтра пойти и купить факс, помочь экономике, хотя он не так уж мне нужен.

Как у Ильфа и Петрова: «Тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь обществу»?

Ассоциация брокерских фирм «Альянс-ТМБ»

Ваш надежный партнер на РТСБ и других ведущих биржах страны.
Коммерческие операции любого вида, включая фондовые.

Консультации и помощь во внешнеэкономической деятельности.
Сертификация и тестирование товаров.

УЗНАЙТЕ ПОДРОБНОСТИ ПРЯМО СЕЙЧАС!
Москва, тел. 222-20-96, 222-13-06,
FAX (095) 231-11-15